Tsypylma Darieva, Florian Mühlfried, Kevin Tuite (eds) (2018) *Sacred Places, Emerging Spaces. Religious Pluralism in the Post-Soviet Caucasus*. Oxford, N.Y.: Berghahn Books. – 246 p.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-369-373

Сборник под редакцией Цыпилмы Дариевой, Флориана Мюльфрида и Кевина Тьюита входит в издательскую серию *Anthropology of Space and Place*, которая знакомит читателя с антропологическим взглядом на социальное и символическое наполнение пространств, элементов архитектуры и пейзажей. Авторы статей, вошедших в данный сборник, задались целью изучить значимость, жизнеспособность и «заметность» священных пространств Кавказа и опирались на этнографические материалы по микродинамике паломнических практик и нарративы о сакральных локусах.

Из вводной статьи мы узнаем о стремлении авторов развеять миф о «жестоком Кавказе». Подобное «расколдовывание Кавказа», на наш взгляд, задача уместная — регион до сих пор остается малоисследованным и экзотическим полем, которое для многих плотно ассоциировано с историей насилия, политическими, этническими и религиозными конфликтами.

По сравнению с другими постсоветскими пространствами, рассматриваемый в этом сборнике кавказский регион отличается высокой степенью религиозного разнообразия. Здесь в непосредственной географической близости сосуществуют различные школы и направления ислама, христианства, иудаизма; конфессиональная и внутриконфессиональная многослойность дополняется не менее пестрой палитрой религиозных традиций, которые не укладываются в официальные конфессиональные рамки. Интересы официальных и неофициальных религиозных сообществ нередко пересекаются, подчас это приводит к открытому противостоянию и борьбе за священные пространства, практики и символы.

Другая специфическая черта постсоветского Кавказа — высокая степень вовлеченности властных структур и интеллектуальных элит в вопросы религии и веры. Авторы сборника уделяют значительное внимание проектам государственного строительства (*state-building projects*), где национальное, этническое и политическое нераздельно переплетаются с религиозным.

Статьи объединены не только географическом регионом,

но и рядом теоретических вопросов. Пять статей сборника являют собой попытку осмысления теоретической рамки «большой» и «малой» традиции, то есть противопоставления официальных (городских, мужских, публичных) и неофициальных (сельских, женских, скрытых) форм религиозности.

Основываясь на материалах, собранных в Верхней Сванетии, Нино Цередиани, Кевин Тьюит и Паата Бухрашвили используют рамку «большой» и «малой» традиции, чтобы рассмотреть устройство гендерных границ в сванских религиозных практиках и пространствах. В связи с этим авторы пишут о двух модусах заметности (*visibility*) священных мест: а) физическая заметность локуса для всех людей, вне зависимости от их включенности в местное религиозное сообщество и б) заметность священного места для групп внутри религиозного сообщества. В итоге применение рамки «двух традиций» позволяет исследователям убедительно прояснить связи между гендером, пространством и заметностью священных пространств Верхней Сванетии (p. 46–69).

Статья Хэге Туйе посвящена конфликту между «большой традицией» Русской православной церкви и «малой традицией» народного христианства в отдельно взятом сообществе. Точкой обострения конфликта становится пространство кладбища и практики поминовения усопших в одной из станиц Краснодарского края. Вернувшись в станицу после долгого отсутствия в советский период, православная церковь пытается монополизировать сферу сакрального и делегитимизировать практиковавшуюся в ее отсутствие поминальную обрядность, что приводит к размежеванию внутри станицы — часть жителей принимает «новые» порядки, другая продолжает следовать «старым» традициям.

Схожая ситуация описана в исследовании Левона Абрамяна, Гаяне Шагоян, Гоара Степаняна и Заруи Амбарцумян: авторы рассказывают о конфликте между вернакулярным христианством и Армянской Апостольской церковью, который разворачивается на фоне цепи семи народных паломничеств в Котайкской области. Армянская церковь занята своеобразной реконкистой — «захватом» или «возвращением» священных мест, а представители народного христианства вынуждены отступать и создавать новые святилища на безопасном расстоянии от святилищ, уже «отвоеванных» Церковью (p. 71).

Следующие два исследования посвящены сюжетам, где две традиции — «большая» и «малая» — не противостоят друг другу, но переплетаются и трансформи-

руются. Цыпилма Дариева описывает культ бакинского шиитского святого Мир-Мовсум-аги — здесь значимые характеристики двух традиций смешиваются: культ в равной степени важен для мужчин и женщин, властных элит и простых горожан, локализуется в городской среде и при этом несет в себе элементы сельской религиозности (p. 19–46).

Гамлет Мелкумян обращается к проблеме трансформации иерархических границ у езидов Армении. Формально, мюриды — низшая каста в сообществе езидов, однако положение дел меняется, когда мюриды начинают создавать свои собственные неформальные святилища и конструировать нарративы о мистическом опыте, который сподвигает их к созданию таких святилищ. В результате, заявив о праве на сакральное, мюриды повышают свой социальный статус, однако делают это, не отвоевывая уже существующие священные пространства, а создавая новые (p. 177). Автор замечает, что слом границ между «двумя традициями» и трансформация иерархии способствуют формированию демократических настроений внутри религиозных сообществ, в то время как сама природа статичных официальных иерархий и жестких сакральных границ подталкивает верующих к националистическим и сегрегационным взглядам (p. 197).

Уместность рамки «двух традиций» — не единственная проблема, освещенная в сборнике. Так, Флориан Мюльфрид заинтересован в другом вопросе — он пишет, что специфике совместного использования одного и того же священного места различными религиозными сообществами (*sharing the sacra*) было посвящено достаточно исследований, в то время как феномен отказа от такой совместности (*not sharing*) остается слепым пятном для исследователей религии (p. 151). На основе этнографических наблюдений в грузинском селении Рача, где бок о бок жили христиане и евреи, автор предлагает рассмотреть отказ от совместности, как особую форму позитивной коммуникации и взаимодействия. Автор указывает, что вопреки ожиданиям, отказ «делиться священным» может приводить к социальной стабильности и мирному сосуществованию соседствующих религиозных сообществ, строго блюдущих свои границы (p. 150–176).

О другом, на этот раз непродуктивном, типе совместности мы читаем в статье Сильвии Серрано. Исследователь описывает историю культурного комплекса Рабати в городе Ахалцихе на юге Грузии. Крепость Рабати была восстановлена централизованными усилиями грузинского правительства в период правле-

ния президента Михаила Саакашвили. Проект был задуман как символ толерантной и гостеприимной Грузии, страны, где мирно сосуществуют христианство, ислам и иудаизм (в городе в разное время функционировали две синагоги, католическая церковь, несколько армянских церквей и мечети османского периода). Результат оказался противоположным: Рабати производит впечатление глобального вымысла; церковь и мечеть закрыты для прихожан и религиозных практик, отели вокруг комплекса пустуют. Современный Рабати фактически десакрализует и стирает собственную историю, крепость превратилась в музей-призрак, выхолощенный «Диснейленд» — совместное пространство, застывшее в состоянии глобальной непринадлежности (p. 220).

Статья Нино Айвазишвили-Гене об общине ингилойцев из селения Мосул знакомит нас с противоположным по своей сути явлением. Если в предыдущем случае попытка соединить светское и религиозное была спланирована усилиями сверху и привела к символическому разрушению и десакрализации пространства, то сообщество грузиноязычных мусульман ингилойцев, оказавшихся в Азербайджане, стало жертвой изменения политических границ. Но несмотря на новые границы, с помощью паломнических практик, которые переплетены со светским активизмом, ингилойцам удается сохранять и укреплять групповую идентичность.

В работе Игоря Кузнецова мы читаем о совместном использовании священных мест различными этническими и религиозными сообществами в Абхазии. Описав исторический контекст абхазских святилищ, автор предлагает рассматривать эти места как «гибридные», опираясь на идеи исследователя постколониализма Хоми Бабы (p. 104). Несмотря на неугасающую популярность понятия «гибридность», его применение не гарантирует исследователю успеха — рассказу о несомненно богатом и интересном материале не хватает, на мой взгляд, последовательности и теоретической стройности.

Представленные в книге исследования рассказывают читателю о разнообразии религиозной жизни Кавказа, с одним важным исключением — статей, посвященных религиозным сообществам республик Северного Кавказа (Дагестан, Чечня, Ингушетия и др.) в сборнике, к сожалению, нет. Это, однако, не умаляет достоинств книги, и даже подчеркивает неоднократно упомянутую особенность региона: религиозная жизнь Кавказа настолько широка и разнообразна, что даже вкратце рассказать обо

всех ее аспектах невозможно. Исследования, вошедшие в сборник, не только дополняют наши знания об отдельно взятом постсоветском регионе, но и подвергают проверке существующие теоретические подходы, корректируя и расширяя их. На примере некоторых упомянутых выше статей мы видим, что противопоставление «большой» и «малой» традиций вовсе не устарело — будучи применено с должной исследовательской чуткостью, оно позволяет лучше рассмотреть социальные процессы. В то же время работы Дариевой и Мелкумяна напоминают нам, что религиозные традиции по сути своей не статичны, они постоянно трансформируются, смешиваются, порождают новые традиции. Отдельного внимания заслуживает замечание Флориана Мюльфрида о позитивных свойствах священных границ и практиках «несовместности» (*non-sharing*). Это замечание особенно ценно в контексте исследования Кавказа — действительно, внимание исследователей зачастую сфокусировано на вопросах «что послужило причиной конфликта?» и «как устроен конфликт?», в то время как вопросы «что стоит за отсутствием конфликта?» и «как устроена повседневная деэскалация?» остаются за скобками. Рассмотрение причин *отсутствия* конфликта может обогатить наши знания о природе его возникновения.

Все же главное достоинство сборника в том, что исследователи достигли заявленной во введении цели — вместо овеянного мифами о жестокости экзотизированного Кавказа авторы знакомят нас с жизнью и проблемами реальных людей. Поэтому эта книга будет интересна не только специалистам, но и любому, кто захочет узнать о жизни этого региона.

Г. Григорьев

Helena Kupari and Elina Vuola (eds) (2020) *Orthodox Christianity and Gender: Dynamics of Tradition, Culture and Lived Practice*. London: Routledge. — 214 p.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-373-378

Сборник статей о православном христианстве и гендере под редакцией Хелены Купари и Элины Вуолы — это очень своевременная и нужная попытка рефлексии на незаслуженно маргинальную тему. Исследователям религии и исследованиям гендера, по мнению редакторов сборника, свойственно игнорировать